

Грибанов Б.

ЕЛИЗАВЕТА I КОРОЛЕВА АНГЛИИ

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Борис Тимофеевич Грибанов

Елизавета I, королева Англии

Серия «Женские лики — СИМВОЛЫ ВЕКОВ»

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153390

*Борис Грибанов «Елизавета I, королева Англии», серия «Женские лики — символы веков»: Мир книги, Литература; Москва; 2010
ISBN 978-5-486-03339-1*

Аннотация

Имя писателя Бориса Тимофеевича Грибанова (1920—2005) широко известно в литературных кругах. Блистательный литературовед, исследователь жизни и творчества Хемингуэя и Фолкнера, Байрона и Есенина, переводчик произведений Д. Лондона, А. К. Дойла, М. Твена и других известных писателей, книгоиздатель и просветитель, кандидат исторических наук. Именно Борис Тимофеевич впервые познакомил российских читателей со многими сокровищами зарубежной литературы. Он — автор идеи и издатель «Библиотеки всемирной литературы».

В данном томе публикуется роман Бориса Грибанова, посвященный судьбе величайшей королевы мира — Елизавете I Английской. Она водила армии и плела международные интриги,

она отказалась от женского счастья ради счастья своей страны. Ее воспевали поэты, ее боялись и обожали...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	55
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Борис Грибанов
Елизавета I,
королева Англии

Посвящается моей любимой жене ЭММЕ

Глава 1

Виват наследнице престола!

летние дни 1533 года вся Англия, затаив дыхание, ждала известий из Гринвичского королевского дворца в Лондоне, где должна была родить супруга короля Генриха VIII Анна Болейн. Да если бы только Англия! Вся Западная Европа – во всяком случае, во дворцах королей, герцогов и кронпринцев – с нетерпением ожидала вестей с берегов Темзы. Всех волновал один существенный вопрос: кого родит Анна Болейн – мальчика или девочку? У дверей посольств европейских государств в Лондоне оседланные кони грызли в нетерпении удила, а курьеры сидели рядом, готовые скакать сломя голову в один из портов восточного побережья Англии, чтобы взбежать на палубу быстроходных кораблей, и плыть через канал, и снова скакать, меняя загнанных коней, в столицы европейских стран с донесением первостепенной важности. А там многоумные мужи будут гадать, как рождение у английского короля наследника или наследницы отразится на большой европейской politic, а нидерландские купцы прикидывать на счетах, как это повлияет на цены на английскую шерсть, которую они покупают для изготовления сукна. И только простолюдинам было глубоко безразлично, кого родит Анна Болейн.

Генрих VIII ждал, что королева родит ему сына. Королю нужен был наследник. Льстивые придворные, астрологи, повитухи и врачи уверяли Генриха, что королева Анна носит в своем чреве мальчика, которому суждено стать наследником английского престола.

Каково же было разочарование короля, когда 7 сентября ему донесли, что королева Анна родила девочку. Ярости Генриха не было предела, в гневе он бывал страшен. Три дня буйствовал король, бил посуду, рвал на клочки дорогие gobelens. Придворные прятались по углам, боясь попасться на глаза грозному властелину.

Ради чего он совершал отчаянные, столь рискованные шаги в своей жизни? Ради чего он затеял развод со своей первой женой Екатериной Арагонской, теткой испанского короля Карла V, которая до него была замужем за его старшим братом Артуром, умершим раньше, чем тот вступил на английский престол. (Такой брак был запрещен католической церковью, и это впоследствии дало Генриху VIII и его законникам право утверждать, что женитьба Генриха на вдове его покойного брата была противозаконной.) Екатерина Арагонская рожала от Генриха шесть раз, но все мальчики рождались мертвыми. Выжила только одна их дочь, Мария, которой суждено будет занять свое место в нашем повествовании.

Ради того, чтобы жениться на Анне Болейн, которая, он не сомневался, родит ему наследника, он поссорился с папой

римским, порвал с католической церковью и объявил себя главой английской церкви.

И все кончилось тем, что эта негодяйка Анна Болейн рождает ему дочь!

Наконец Генрих успокоился. Он не мог допустить и мысли о том, что его враги и просто недоброжелатели заподозрят у него подавленность, упадок энергии. И он решил отпраздновать рождение дочери со всей пышностью, присущей британскому королевскому двору.

Десятого сентября, когда новорожденную девочку должны были крестить, объявили праздничным днем: во всех церквах звонили колокола и пели «Te Deum» – благодарственную молитву. Рано утром престарелая герцогиня Норфолкская вынесла на руках ребенка и возглавила торжественную процессию, в которой выступали такие важные лица, как лорд-мэр Лондона, городские советники в кроваво-красных камзолах с белыми плюеными воротниками, приплывшие из Лондона на богато украшенной барже в сопровождении сорока самых почтенных горожан Лондона, придворные. Дома по всему пути следования процессии были богато украшены гобеленами и полотнищами ярких тканей.

Процессия направилась в церковь отцов-францисканцев в Гринвиче, где епископ Лондонский Стокслип окунул новорожденную в серебряную купель. Крестными отцами были Томас Крайнмер, который раньше был духовником Ан-

ны Болейн, а потом Генрих VIII назначил его архиепископом Кентерберийским, герцогиня Норфолкская и маркиза Дорсет.

Девочку нарекли Елизаветой. Здесь необходимо вернуться в прошлое и проследить (хотя бы пунктирно) события, предшествовавшие рождению Елизаветы. События эти были многолики и, казалось бы, неравноценны. Действительно, тут переплелись дела государственной важности и дела постельные. Но из этой мозаики складывалась грандиозная фреска английской, да и вообще европейской истории.

Новая эра началась, можно считать, 31 октября 1517 года, когда монах Мартин Лютер прибил к дверям церкви в немецком городе Виттенберге бумагу с девяносто пятью тезисами, в которых он обвинял отцов католической церкви в сребролюбии, разврате и других смертных грехах, выступил против индульгенций. Будь в папской курии люди поумнее и подальновиднее, они признали бы кое-какие из инвектив Лютера справедливыми и не дали бы разгореться пожару реформации. Они обвинили Лютера в ереси и обрушили на него карающую десницу католической церкви. В результате новая ересь, названная лютеранством, или протестантством, подобно лесному пожару охватила всю Западную Европу.

Не убереглась от новой ереси и Англия. Канал, отделяющий туманный Альбион от Европы, оказался недостаточной преградой против новых религиозных идей. Они проникали на берега Темзы, находили своих приверженцев среди про-

священного дворянства. Одной из таких неюфиток оказалась и Анна Болейн.

Вот тут-то и начали завязываться в единый тугой узел дела государственные и дела постельные. На авансцену английской истории судьба вытолкнула именно Анну Болейн, дочь английского посла в Нидерландах, а потом во Франции. Она выросла в анфиладах королевских дворцов Парижа, восприняла весь шарм и утонченность француженок. Ее не считали красавицей, но все признавали ее миловидной. Она обращала на себя внимание своим изяществом, грациозностью, длинной и тонкой шеей, а самое главное – своим умом, острым и независимым; она имела собственные суждения по многим вопросам и имела обыкновение высказывать это мнение нелицеприятно, в глаза собеседнику. Эта прямота помогала ей завоевывать сердца поклонников, но и рождала ненависть у тех, кто не воспринимал.

Сэр Болейн в конце концов был отозван в Лондон. Дочь Анна приехала с отцом и получила место фрейлины при королеве Екатерине Арагонской, первой жены Генриха VIII.

Вот тут-то король заприметил Анну и влюбился в нее. Его ничуть не смущало то обстоятельство, что старшая сестра Анны была его любовницей. Он стал добиваться благосклонности Анны. Но эта девушка оказалась крепким орешком – она громогласно заявила, что уж если ей не суждено стать королевой, то наложницей короля она никогда не станет.

Семь долгих лет добивался Генрих VIII взаимности Ан-

ны Болейн. За эти годы произошло немало важных событий, повлиявших на религиозную жизнь Англии и на отношения Генриха VIII с римским престолом.

Дело заключалось в том, что еще в бытность свою во Франции Анна Болейн сблизилась с видными представителями лютеранства, а в Лондоне стала центром притяжения протестантов. Это, конечно, не было решающим обстоятельством, но в известной степени способствовало распространению в Англии протестантства. В дальнейшем, когда Анна стала королевой Англии, эта тенденция усилилась.

А у короля Генриха VIII были свои соображения – он прожил со своей женой Екатериной Арагонской, жесткой испанкой, фанатичной католичкой, семнадцать лет. Она шесть раз рожала от него. Но все мальчики оказывались мертворожденными. Генрих VIII, человек суеверный, как все люди того времени, усматривал в этом карающую десницу Господа Бога, наказывающего его за то, что он в свое время преступил запрет католической церкви и женился на вдове своего покойного брата. Но ясно было одно – Генрих понимал, что Екатерина Арагонская не принесет ему сына-наследника. Из рожденных ею детей выжила только одна девочка – Мария.

Король давно уже подумывал о разводе с Екатериной Арагонской и о женитьбе на Анне Болейн – он надеялся, что молодая Анна обязательно родит ему сына. Уж очень бросался в глаза контраст между этими двумя женщинами – мрачная, далеко не молодая испанка Екатерина, выплакавшая свои

глаза по родившимся мертвыми сыновьям, и юная Анна Болейн, словно сотканная из солнечных лучей, веселая и остроумная.

Но для развода с Екатериной необходимо было разрешение главы католической церкви, а папа римский не хотел ссориться с императором Карлом V, племянником Екатерины, который выступал как главный оплот католицизма в Европе.

Сопrotивление папы римского вызывало раздражение у короля Англии – он не привык, чтобы ему кто-то противоречил. Противостояние это вылилось в неслыханное по тем временам действие – Генрих VIII отказался признавать власть хозяина Ватикана над душами англичан и объявил себя главой Церкви в Англии. Расчетливый и хитрый монарх, Генрих VIII прикинул и весьма серьезные экономические последствия, которые влек за собой разрыв с Ватиканом, – король реквизиrowал богатейшие поместья, принадлежавшие католическим монастырям, и стал продавать их своим придворным за очень солидные деньги, что весьма обогатило королевскую казну.

В конце концов Анна Болейн уступила домогательствам Генриха и допустила его в свою постель. А когда она сообщила королю, что уже носит под сердцем его ребенка, Генрих тайно обвенчался с Анной Болейн, чтобы будущий ребенок считался законным, и 1 июня 1533 года она была коронована королевой Англии. Традиционная процессия проследовала по улицам Лондона от Тауэра до Вестминстерско-

го аббатства, где состоялась коронация. Лондонцы, наблюдавшие эту процессию, приветствовали новую королеву, но большинство их безмолвствовало.

Генриху об этом доложили, и он утвердился в своем мнении, что хотя у Анны Болейн немало приверженцев, но еще больше недоброжелателей. Преданные католики были убеждены, что Анна Болейн и ее отец – тайные протестанты и собираются насаждать в Англии лютеранскую ересь.

Генрих реагировал на неприятие народом Анны Болейн в свойственной ему манере – по его указанию парламент принял акт, согласно которому любой подданный английской короны, который выразит сомнение в законности королевского сана Анны Болейн, будет признан изменником и казнен.

А в марте 1534 года парламент принял акт о престолонаследии, который обязывал каждого англичанина принести клятву, что он признает детей Генриха VIII и Анны Болейн законными наследниками престола.

Во всей Англии нашлась только горстка смелых и твердых людей, отказавшихся принести эту присягу. Среди них оказался и бывший канцлер Англии, писатель, гуманист Томас Мор, который оказался провидцем.

Ожидая в темнице Тауэра смертной казни, Томас Мор спросил у своей дочери, которая пришла навестить его, как поживает королева Анна Болейн.

«Как нельзя лучше, – ответила дочь, – при дворе только и

знают как танцевать и играть в разные игры».

«Увы, – вздохнул Мор, – мне горько думать, какое несчастье вскоре обрушится на нее. Эти ее танцы напоминают игры в мяч нашими головами, но пройдет немного времени, и она сама будет танцевать с отрубленной головой».

Король Генрих VIII, верный своему принципу соблюдать равновесие между двумя религиозными течениями, компенсировал казнь Томаса Мора и других католиков тем, что отправил на костер четырнадцать протестантов, сторонников Реформации. Оставалось определить будущую судьбу первой жены Генриха Екатерины Арагонской. Через три месяца после рождения Елизаветы испанский посол в Лондоне доносил своему хозяину:

«Король по настоянию Госпожи, которой он не может противоречить, принял решение поселить королеву (Екатерину) в доме, окруженном глубоким рвом с водой и болотами... И, не имея возможности придумать другие предлоги, объявил ее сумасшедшей».

Екатерину Арагонскую не поселили в таком доме, но дали ей для жилья мрачный дом, где она проводила каждую ночь в молитвах, как монахиня, носила под платьем рясу из грубого материала, опасаясь днем и ночью быть отравленной или пасть жертвой убийц, притаившихся в ее комнате. Посол сообщал императору Карлу V, что король Англии сомневается, проживет ли еще какое-то время Екатерина. Генрих VIII говорил, что у нее водянка.

У новой королевы Анны Болейн были свои планы в отношении предшественницы. Она откровенно угрожала лишить жизни Екатерину Арагонскую и ее дочь Марию. Летом 1534 года она во всеуслышание говорила своему брату, лорду Рочфорду, что, когда король отправится воевать во Францию и она останется регентшей, она казнит Марию по обвинению в неподчинении. Рочфорд предупреждал сестру, что Генрих будет в ярости, потому что, несмотря ни на что, он любит свою старшую дочь. Анна Болейн ответила брату, что исполнит свое намерение, даже если с нее живой сдерут кожу и отправят на костер.

Екатерина Арагонская умерла в январе 1536 года. Ходили упорные слухи, что ее отравили. Слухи эти были вызваны странной поспешностью, с которой труп положили в свинцовый гроб, чтобы ее никто не видел. Однако бальзамировщики, производившие вскрытие, рассказали преданным испанским слугам покойной, что их поразило то, что сердце Екатерины оказалось черным и отмыть его им не удалось. И один из бальзамировщиков добавил, что когда они рассекли сердце, то обнаружили нечто черное, настолько плотное, прилипшее, что они не смогли его оторвать.

Получив известие о смерти Екатерины Арагонской, Генрих VIII радостно воскликнул: «Слава богу, теперь над нами не будет висеть опасность войны!», имея в виду, что племянник Екатерины император Карл V грозил войной, желая восстановить на английском престоле свою тетку. А отец и брат

Анны Болейн во всеуслышание заявляли, что единственное, о чем они жалеют, так это о том, что дочь Екатерины Мария не составила компанию своей матери.

Глава 2

Объявлена незаконнорожденной

Первые годы жизни маленькой Елизаветы действительно были безоблачными. Она считалась законной наследницей английского престола – при условии, что королева Анна Болейн не родит Генриху VIII сына.

Елизавета жила в роскошном дворце в Хэтфилде в Хэртфордшире, под присмотром леди Брайан, тетки Анны Болейн.

Правда, свою мать, королеву Анну Болейн, маленькая Елизавета видела крайне редко. Королева была поглощена своими светскими обязанностями при дворе Генриха VIII, своими развлечениями и никакого внимания дочери не уделяла. Впрочем, как убедится в этом читатель, такие отношения между матерью и дочерью уберегли малолетнюю Елизавету от тяжелых переживаний, которые ей предстояло пережить в самом ближайшем будущем.

А вот отца Елизавета обожала. Перед ним она преклонялась. Король Генрих олицетворял в ее детском сознании власть, безграничное могущество и мужскую красоту. Этот большой, грузный, пышущий здоровьем и физической силой, шумный, громогласный мужчина в блестящих, нарядных одеждах казался девочке идеалом.

Король Генрих всячески подчеркивал официальный статус Елизаветы как своей наследницы. У нее был целый штат придворных – фрейлины, пажи, конюхи, служанки. Генрих пошел даже на такой демонстративный шаг – когда Елизавете исполнилось всего три месяца, он приказал разлучить Марию, дочь его и Екатерины Арагонской, с ее матерью, отправить Марию, которой было уже семнадцать лет, в Хэтфилд, ко двору Елизаветы в качестве фрейлины наследницы престола.

Мария всем своим существом противилась такому положению, она считала себя законной наследницей короля и отказывалась признавать главенство Елизаветы. В Хэтфилде она оказалась фактически арестанткой в своей комнатке на самом верхнем этаже дворца. Ей даже запретили переписываться с матерью, Екатериной Арагонской. Когда Генрих VIII посетил Хэтфилд, он все внимание уделял Елизавете и даже отказался встретиться с Марией.

Елизавету время от времени возили в королевские дворцы в Гринвиче и Элтхеме, и в этих случаях Марии приказывали находиться в другом паланкине, а не вместе с Елизаветой. Когда она в первый раз отказалась, ее силой запихнули во второстепенный паланкин. Потом по совету испанского посла Чапиуса, с которым она состояла в тайной переписке, принцесса подчинилась, хотя и заявила официальный протест.

Казалось бы, ничто не могло угрожать королеве Анне Бо-

лейн и ее дочери, официально объявленной наследницей престола. Но все это благополучие вскоре оказалось весьма призрачным. И опять дела межгосударственные, межрелигиозные переплетались с проблемами сугубо личными, можно сказать сексуальными.

В январе 1536 года умирает первая жена Генриха VIII Екатерина Арагонская. Казалось бы, это обстоятельство открывает Генриху путь к примирению с императором Карлом V. Вскоре после этого государственный министр Томас Кромвель вступил в тайные переговоры с испанским послом Чапиусом и интересовался возможностью сближения с императором Карлом V. Генрих был весьма озабочен возродившейся угрозой иностранной интервенции в Англию, которую могла возглавить Испания.

Чапиус ответил Кромвелю, что хотя католический мир никогда не признает Анну Болейн законной женой Генриха, они готовы признать его новую жену.

Этот намек заставил Генриха призадуматься. Он знал о том, что значительная часть английского народа недолюбливает Анну Болейн. Люди суеверные считали ее виновной в дождливом лете и плохом урожае 1535 года. Королю докладывали, что посетители таверн частенько отзываются об Анне Болейн как о шлюхе, которую следует сжечь на костре.

Все это накладывалось на то немаловажное обстоятельство, что Генрих стал охладевать к Анне Болейн как к женщине. То, что казалось раньше прелестным, теперь предста-

вало в глазах суеверного короля Англии знаками сатанинской сущности.

Раньше он восхищался крупной родинкой на ее изящной щеке, которую она обычно прикрывала ожерельем из крупного жемчуга, теперь же это черное пятно казалось ему печатью дьявола. А сросшийся на руке шестой палец явно доказывал, что подлинным отцом Анны был не сэр Томас Болейн, а сам Князь Тьмы.

Генриха стало раздражать и вызывающее поведение Анны Болейн. Она могла оскорбить своего дядю, герцога Норфолкского, швырнуть веер в лицо французскому послу, прилюдно устроить королю сцену ревности, когда он, по ее мнению, уделял слишком много внимания другим дамам.

А главное – она не сумела родить Генриху сына, наследника престола. После двух выкидышей она произвела на свет мальчика, но он был мертворожденным.

Трудно сказать, что в этом переплетении обстоятельств стало решающим. Быть может, новое увлечение Генриха – он влюбился в молоденькую Джейн Сеймур, дочь помещика из Уилтшира.

Враги Анны Болейн почувствовали, что почва у нее под ногами заколебалась, и начали действовать. Королю со всех сторон нашептывали в уши всякие пакости про Анну Болейн, а он их охотно выслушивал.

Вообще история падения и казни королевы Анны Болейн осталась для потомков и историков неразгаданной загадкой

— были ли у обвинений, предъявленных Анне Болейн, какие-то основания или, как предполагали некоторые исследователи, она попала в расставленную ей ловушку.

Так или иначе, но в мае 1536 года Анна Болейн была заключена в Тауэр и над ней состоялся суд.

Анну Болейн обвинили в том, что она прелюбодействовала с сэром Генри Норрисом, и со своим собственным братом, виконтом Рошфордом, и с молодым музыкантом из числа ее придворных, который играл на лютне, Смитом. Враги Анны не ограничились обвинениями в прелюбодеяниях, которые якобы имели место с 1533 года. Им нужно было обвинить Анну в более тяжелых грехах, которые, если они будут доказаны, определяют казнь королевы.

Анну Болейн обвинили в государственной измене, в том, что она вместе со своими любовниками планировала убийство короля Генриха VIII. В таком случае малолетняя Елизавета становилась королевой, а ее мать, Анна Болейн, становилась при ней регентшей и могла выйти замуж за сэра Генри Норриса.

Обвинение гласило:

«Анна Болейн была женой короля Генриха VIII в течение трех с лишним лет, но она, пренебрегая своим браком и испытывая ненависть к королю и повинувшись своей постоянной похоти, своими разговорами, прикосновениями, подарками и другими непристойными намеками обольщала верных слуг

короля и делала их своими любовниками. Более того, королева и другие вышеназванные предатели, совместно и в отдельности, замыслили убийство короля. Королева неоднократно обещала некоторым из этих предателей выйти за них замуж, когда король покинет этот мир, утверждая, что в глубине души никогда не любила короля».

На суде Норрис и Рошфорд категорически отрицали свою вину, а вот Смит, которого как простолюдина подвергли пыткам, признал, что состоял с королевой Анной в любовной связи. Все трое были признаны виновными, приговорены к смертной казни и обезглавлены.

Анна Болейн тоже была осуждена на казнь. Любопытная деталь, высвечивающая всю ее суетность и тщеславие: она отказалась, чтобы голову ей отрубал английский палач своим грубым топором, и потребовала вызвать из Франции палача, который нанесет ей смертельный удар благородным французским мечом.

Поскольку суд признал Анну Болейн виновной в прелюбодеянии, ее враги-католики поспешили объявить, что отцом маленькой Елизаветы является вовсе не король Генрих VIII, а сэр Генри Норрис и что, следовательно, Елизавета – незаконнорожденная, не имеющая никаких прав на наследование английского престола. Эту легенду поддерживал посол императора Карла V Чапиус. А в Нидерландах распространился слух, что Елизавета родилась от крестьянина, случай-

но встретившегося Анне Болейн на сельской дороге.

Король Генрих не очень верил в эти сказки, но и долго ждать себя не заставил. За два дня до казни Анны Болейн Генрих оформил свой развод с ней после двухчасового судебного разбирательства, где председательствовал Крамер. Брак Генриха VIII с Анной Болейн был признан незаконным хотя бы уже потому, что до своего брака с Анной Генрих спал с ее старшей сестрой Марией. Но поскольку это обстоятельство не очень-то украшало короля, его решили скрыть.

А Генрих, не выжидая даже приличествовавшего времени, тут же обвенчался с Джейн Сеймур. Эта двадцатисемилетняя женщина была полной противоположностью импульсивной Анне Болейн. Она была предельно спокойной и уравновешенной, не принадлежала ни к фанатикам-католикам, ни к оголтелым протестантам. Красавицей ее никто не считал, да и то обстоятельство, что она в свои годы не вышла до сих пор замуж, говорило о том, что поклонники не отпихивали друг друга локтями у ее дверей.

Тем не менее чем-то она приглянулась королю Генриху VIII, и он выбрал ее себе в жены.

Надо отметить, что и католики и протестанты восприняли падение Анны Болейн как сильнейший удар по Реформации. И те и другие были уверены, что теперь Генрих восстановит свою дочь от Екатерины Арагонской Марию, известную своей фанатичной приверженностью католицизму, как законную наследницу английского престола, даже если

он и не захочет вновь признать верховную власть папы римского, и прекратит распространение протестантства, сильно преуспевшее за последние три года.

Однако Генрих удивил всех – он решил расчистить путь детям, которых наверняка родит ему Джейн Сеймур, и убрать всякие возможные препятствия.

Главным таким препятствием могла стать Мария, и Генрих стал давить на нее, добиваясь, чтобы она признала себя незаконнорожденной. Он угрожал ей заточением в Тауэр и даже смертной казнью. В конце концов Мария сломалась и подписала нужный королю документ. После этого ей разрешили появляться при дворе, где ее вполне приветливо встречали Генрих VIII и новая королева. От маленькой Елизаветы такой подписи не потребовали.

А в июле 1536 года, за два месяца до того, как Елизавете исполнилось три года, был принят новый акт о престолонаследии, узаконивавший статус Марии и Елизаветы как незаконнорожденных. Елизавету лишили звания принцессы, впредь ее надлежало именовать «дочь короля, леди Елизавета». Такой же титул был присвоен и Марии.

Но, конечно, в положении этих двух сводных сестер была разница. Марии исполнилось уже двадцать лет, и она была допущена к королевскому двору. А Елизавета оставалась еще ребенком и жила в Хэтфилде под присмотром леди Брайан.

Эта разница в положении находила свое отражение в од-

ной немаловажной для тех времен детали – Мария имела в услужении сорок два человека, а Елизавета всего тридцать два.

Глава 3

Дни и ночи вестминстерского королевского дворца

Тихо и безмятежно проходили годы детства и отрочества в Хэтфилде, отданном Елизавете, которую отныне было приказано именовать «дочь короля, леди Елизавета». Ее как будто и не касалось то, что происходило в Вестминстерском дворце короля Генриха VIII.

А в действительности дела, которые там творились, самым непосредственным образом влияли на будущее Елизаветы. Достаточно упомянуть, что как раз когда Елизавете исполнилось четыре года, Джейн Сеймур подарила своему мужу, королю Генриху VIII, наследника престола.

Мальчика крестили в Хэмптонкорте, грандиозном дворце на берегу Темзы, принадлежавшем кардиналу Уэлси, и дали ему имя Эдуард. Крестными отцами выступали Краммер и герцог Норфолк. Крестной матерью была Мария, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской. На Елизавете было роскошно отделанное платьице, а своими маленькими пальчиками она поддерживала край пурпурного шлейфа новорожденного наследника престола, хотя саму Елизавету, учитывая ее возраст, несли на руках брат Джейн Сеймур Эдуард и лорд Морли.

Через двенадцать дней после этой церемонии Джейн Сеймур умерла от заражения крови. Сводная сестра Елизаветы Мария ехала во главе траурной процессии, а вот маленькую Елизавету не взяли участвовать в похоронах.

Смена жен Генриха VIII продолжалась. В январе 1540 года король женился на Анне, сестре герцога Киевского. Прodelал он это с явной неохотой, через шесть месяцев развелся и приказал отрубить голову Томасу Кромвелю, который уговаривал его жениться на Анне Киевской и поощрял казнь протестантов. Через две недели после развода король женился на Екатерине Ховард.

Елизавета несколько раз встречалась с Екатериной Ховард, а в мае 1541 года провела с ней некоторое время в Челси. Надо сказать, что семейная жизнь Генриха VIII не ладилась. Через два месяца после того, как Елизавете исполнилось восемь лет, король узнал, что Екатерина изменяет ему, и приказал казнить свою супругу и ее любовников.

На смену Екатерине Ховард пришла Екатерина Пар, шестая и последняя жена Генриха VIII.

До этого она успела дважды побывать замужем. Совсем юной девушкой она вышла замуж за пожилого лорда Борроу, но он вскоре умер, оставив Екатерину вдовой в семнадцать лет. Потом Екатерина стала женой лорда Латимера, одного из самых видных аристократов в Йоркшире. Лорд Латимер был участником «Пилигримов Божьей милостью» – мощного католического движения, выступавшего против религиоз-

ной политики Генриха VIII и разгона монастырей. Однако король простил его, и лорд Латимер умер через несколько лет, оставив Екатерину вдовой во второй раз. У нее был роман с Томасом Сеймуром, младшим братом Джейн Сеймур, но в их любовь вмешался король Генрих VIII, которому приглянулась Екатерина Пар и он решил на ней жениться. Возражать королю было опасно, и Екатерина Пар стала шестой женой Генриха. О ее любви к Томасу Сеймуру убедительно говорит письмо Екатерины Пар Сеймуру, написанное после смерти Генриха VIII:

«...Так же верно, как то, что Бог – это Бог, я полностью склоняюсь разумом теперь, когда я свободна, выйти замуж прежде всего за вас, а не за какого-нибудь человека. Хотя Бог сопротивлялся моему желанию, некогда столь страшно-му, благодаря его милости и доброте стало возможным то, что казалось в наивысшей степени невозможным, и это заставляет меня полностью отказаться от собственной воли и послушно следовать воле Его...»

Из всех жен Генриха Екатерина Пар оказалась самой образованной и хорошо воспитанной. В те времена девушки даже из аристократических семей по большей части не умели ни читать, ни писать. Екатерина Пар владела латынью и несколькими европейскими языками, хорошо знала литературу, в том числе и богословскую.

Новая королева приняла к сердцу свою падчерицу Елизавету и уделяла ее воспитанию много времени и внимания.

Только благодаря своей мачехе Елизавета выросла высокообразованной, начитанной девушкой, она свободно владела французским и итальянским языками, хорошо знала латынь, сравнительно неплохо объяснялась на испанском и греческом. Екатерина Пар научила Елизавету вышивать, танцевать, ездить верхом и обучила хорошим манерам. Ее вышивки отличались тонкостью и изяществом рисунка, богатством красок. Сохранились вышитые ею платки, которые она дарила на Новый год своему сводному брату, будущему королю Англии Эдуарду.

Вообще в те детские годы Елизавета подружилась с Эдуардом, она часто гостила в замках, отведенных наследнику престола, они вместе играли, гуляли, ездили верхом.

В возрасте с одиннадцати до пятнадцати лет, когда особенно активно формируется личность подростка, Елизавета много времени проводила у своей мачехи Екатерины Пар.

Быть может, самым важным обстоятельством в формировании Елизаветы как личности явилось то, что Екатерина Пар была тайной протестанткой. Она стала английской королевой, когда страну захлестнула новая волна террора, направленного против протестантов. Направлял травлю лютеран Стефан Гардинер, епископ Винчестерский, возглавлявший консерваторов в Тайном совете Генриха VIII. И хотя протестанты считали именно Гардинера главным вдохновителем преследования протестантов, все эти костры, на которых сжигали сторонников новой веры, воспламенялись с ве-

дома и одобрения Генриха VIII.

Екатерина Пар не могла воспрепятствовать этой травле протестантов, но она как могла оберегала видных, хотя и тайных лютеран, они находили убежище в ее дворцовых апартаментах. Но, пожалуй, главное, что сделала Екатерина Пар для укрепления и будущего развития протестантства в Англии, выразилось в том, что она симпатизировала протестантству.

Воспитывать в этом духе Марию, дочь Генриха от Екатерины Арагонской, было поздно – Мария была всего на четыре года моложе своей мачехи, да и сформировалась Мария под сильным влиянием своей матери, фанатичной католички. А вот повлиять на духовное становление Эдуарда и Елизаветы она могла. Именно из этих соображений Екатерина Пар выбрала в наставники Эдуарду Роджера Аскема, а в наставники Елизавете Уильяма Гринвела. Оба они были тайными протестантами.

Впрочем, Елизавете сама судьба, казалось, уготовила стать протестанткой. Ее мать Анна Болейн была известна своими симпатиями к новой вере. Она еще носила под сердцем Елизавету, когда сам факт беременности Анны Болейн толкнул короля Генриха VIII порвать с католическим престолом и объявить себя главой англиканской церкви.

С самого дня ее рождения протестанты считали Елизавету законной наследницей английской короны, а католики были убеждены, что она незаконнорожденная дочь блудницы-про-

тестантки, которая была лишь наложницей короля, но никак не законной королевой.

К тому времени, когда Елизавета подросла настолько, чтобы начать разбираться в вопросах религии, в Англии торжествовал террор католической партии, и только влияние Екатерины Пар сделало из Елизаветы убежденную протестантку.

Не следует забывать, что это было связано с немалым риском. Елизавете было тринадцать лет – возраст по тем временам уже зрелой девушки, – и она в те дни как раз гостила у своей мачехи Екатерины Пар, когда имел место такой случай.

Глава католической партии Гардинер и его соратник лорд-канцлер Уотерси убедили Генриха, что Екатерину Пар и трех ее фрейлин следует арестовать по обвинению в ереси, заключить в Тауэр и судить. Такому решению короля способствовало и то обстоятельство, что Екатерина Пар вызвала раздражение Генриха, вступив с ним в богословский спор. О решении короля прослышал королевский врач Вензи, который тайно симпатизировал протестантам и предупредил королеву. Она тут же приказала своим фрейлинам избавиться от протестантских книг, а сама отправилась к своему венценосному супругу и стала просить у него прощения за то, что спорила с ним по вопросам религии, хотя он был во всем прав. Умиленный Генрих отменил приказ об аресте жены и выбранил лорда-канцлера за то, что тот дал ему такой совет.

А не окажись доктор Вензи таким внимательным слушателем, не миновать Екатерине Пар окончить свои дни на эшафоте в Тауэре. Да и судьба ее падчерицы Елизаветы могла сложиться иначе.

Глава 4

Принцесса на выданье

Быть дочерью короля – даже если тебя объявили незаконнорожденной – дело совсем не простое. Ты не принадлежишь самой себе, ты только пешка, разменная фигура в сложнейшей игре династических интересов, схожей разве только с партией в шахматы.

Елизавете исполнилось всего три года, когда Тайный совет на своем заседании в апреле 1537 года обсуждал возможности ее брака с каким-нибудь подходящим иностранным принцем. Такие сговоры были в те времена делом обычным, хотя церковные законы запрещали выдавать девушек замуж до достижения ими двенадцатилетнего возраста.

Правда, в случаях с Марией и Елизаветой были некоторые особые обстоятельства. Хотя английским Актом Мария была объявлена незаконнорожденной, все католические правители Европы признавали ее законной дочерью Генриха VIII и Екатерины Арагонской и не отказывались в отношении ее от титула «принцесса». Что же касается Елизаветы, то она не только была официально признана незаконнорожденной, но к тому же она была дочерью презренной лютеранской шлюхи Анны Болейн, и вообще оставалось неизвестным, был ли Генрих VIII действительно ее отцом.

Последнее обстоятельство со временем перестало играть столь существенную роль. В частности, на него уже не обращали внимания, когда в ходе очередного витка дипломатии Карл V и французский король Франциск I стали искать союза с Генрихом VIII. Когда летом 1541 года герцог Норфолкский вел неофициальные переговоры с французским послом, он заявил, что никогда не предполагал, чтобы король Франциск I женил своего сына на дочери такой женщины, как Анна Болейн. Норфолк страстно ненавидел Анну Болейн и всех протестантов, и он сказал французскому послу, что, будучи дядей Анны Болейн, он особенно озабочен тем, чтобы все знали, что он не испытывает к ней никаких симпатий и ни в коей мере не собирается помогать ее дочери.

Если не считать этого ненавистника Анны Болейн, то все европейские правители признали Елизавету законной, хотя и незаконнорожденной дочерью Генриха VIII.

В 1538 году, вскоре после смерти Джейн Сеймур и еще до того, как Генрих женился на Анне Клевской, он начал вести переговоры с Карлом V и Франциском I о своей возможной женитьбе и замужестве двух его дочерей. Речь шла о браке Генриха с племянницей Карла V, герцогиней Миланской, или с Марией Гиз, или с какой-нибудь другой француженкой из высокопоставленной аристократической семьи.

Что касается его дочери Марии, то обсуждалась возможность ее брака с сыном Карла V, принцем Филиппом Испанским, или с сыном Франциска I, герцогом Орлеанским.

Ну а Елизавету Генрих предлагал в жены племяннику Карла V либо королю Баварии Фердинанду. Обсуждалась также кандидатура Эммануэля Фленборта, но посол императора деликатно ответил, что он не уполномочен обсуждать предложение о браке с дочерью Генриха VIII и Анны Болейн, имея в виду ее малолетство.

Когда Елизавете исполнилось девять лет, Генрих затеял переговоры о ее будущем возможном замужестве, которое могло иметь далеко идущие последствия и в первый раз вызвать конфликт между Елизаветой и ее будущим врагом Марией Шотландской.

В 1542 году король Шотландии Джеймс V, поощряемый своим министром, кардиналом Битоном, начал войну против Генриха VIII, изображая себя защитником римско-католической церкви от еретической Англии. Его войска пересекли границу, но были разбиты в Солвеймос. Через две недели после этого разгрома Джеймс умер, оставив дочь Марию, которой было всего шесть дней от роду и которая унаследовала от него престол Шотландии.

Сам Генрих решил проводить по отношению к Шотландии политику умиротворения. Он пытался подкупить шотландских лордов, чтобы они поддержали его предложения о замужестве Марии, королевы Шотландии, с его сыном, принцем Эдуардом, но при этом Мария должна немедленно переехать в Лондон и воспитываться при дворе Генриха. Джеймсу Гамильтону, графу Арранскому, который был регентом

Шотландии при малолетней Марии, Генрих предложил самую большую взятку – в апреле 1543 года он написал Аррану, что у него есть дочь, леди Елизавета, и он готов выдать ее замуж за сына Аррана.

Когда посол Генриха VIII Ральф Садлер прочел регенту Шотландии письмо короля Англии, тот был так поражен оказанной ему честью, что снял свой головной убор, подчеркивая свою благодарность. Но Генрих при этом выдвигал одно условие – сын Аррана должен жить в Лондоне при дворе короля Англии. Арран сразу же понял, что это означает – его сын будет заложником, – и уклонился от прямого ответа.

Не получая от Аррана в течение четырех месяцев никакого ответа, Генрих VIII выдвинул новое, еще более заманчивое предложение: в августе он написал Аррану, что если маленькую Марию, королеву Шотландии, отправят во Францию или выдадут замуж, то Генрих готов признать Аррана шотландским королем, при условии, что сын Аррана женится на Елизавете и будет жить при дворе Генриха в Лондоне.

Однако в это время в Шотландии усилились антианглийские настроения, и Арран сообщил Садлеру, что, к сожалению для него, политически невозможно принять предложение Генриха. В сентябре жители Эдинбурга восстали и разорвали подписанный их представителями договор о браке королевы с принцем Эдуардом.

Генрих послал свою армию наказывать шотландцев. Солдаты сожгли в Эдинбурге все дома, оставив в целости только

замок, и потом в течение двух лет каждую лунную ночь совершали набеги и сжигали города, деревни, фермы и церкви поблизости от границы.

Спустя два года имя Елизаветы впервые оказалось связанным с другим будущим ее врагом, Филиппом II, королем Испании. В 1545 году в возрасте восемнадцати лет он заменял в качестве регента своего отца Карла V, когда тот находился в Нидерландах. Филипп уже был женат, но его жена незадолго до того умерла. В октябре 1545 года Генрих предложил новый брачный договор с Карлом V. Суть его заключалась в том, чтобы император, который был вдовцом, женился на Марии, принц Эдуард сочетается браком с дочерью Карла, а Елизавета вышла замуж за Филиппа Испанского. Карл не мог всерьез рассматривать предложенные браки с Марией и Елизаветой, поскольку обе они считались незаконнорожденными.

Елизавету предлагали в жены брату короля Дании, герцогу Гольштейну, но из этого ничего не вышло.

Мог ли тогда кто-нибудь предположить, что Елизавета всю свою долгую жизнь останется незамужней?

Глава 5

Большие перемены в Англии и в жизни Елизаветы

Зима 1547 года принесла Англии большие перемены.

В январе 1547 года умер король Генрих VIII. Он правил страной в течение тридцати восьми лет. Это была целая эпоха. Не говоря уже о том, что король сменил шесть жен, двух из которых отправил на эшафот, он осуществил такую важную реформу, как разрыв с римско-католической церковью и утверждение в Англии новой религии. За месяц до своей смерти Генрих составил завещание. В свое время парламент дал Генриху право назначить тех, кто будет после него правителями Англии. И вот Генрих определил очередность престолонаследия. Первым в его списке стоял Эдуард, его сын от Джейн Сеймур. За ним в завещании шли потомки Эдуарда, а в случае, если таковых не окажется, то английский престол должен был достаться детям Генриха от Екатерины Пар или еще какой-нибудь жены короля.

Далее в списке значилась дочь Генриха от Екатерины Арагонской, Мария, и ее возможные потомки, при условии, что она не выйдет замуж без согласия тех, кому будет поручено исполнение завещания. Следом за ней стояла Елизавета, дочь Генриха от Анны Болейн. Казалось бы, Елизавета

в этом завещании Генриха VIII занимала довольно далекое место, но для ее статуса и это было чрезвычайно важно – завещание короля признавало Елизавету одной из законных наследниц английского престола.

После Елизаветы в завещании короля упоминались леди Джейн Грей и ее сестры, внучки сестры Генриха, Марии, и ее мужа, герцога Суффолка.

Генрих VIII назначил и шестнадцать исполнителей своего завещания, которые должны были составить Регентский совет до совершеннолетия Эдуарда. Тринадцать членов Регентского совета были сторонниками протестантства. Один из них, Эдуард Сеймур, брат покойной жены Генриха VIII Джейн Сеймур, завоевал известность, будучи командующим английскими войсками в Шотландии.

И вот 17 января 1547 года король Генрих VIII отбыл в мир иной. Эдуард Сеймур сразу же занял в Регентском совете решающее положение, и отодвинув остальных членов Совета на задний план. Через два дня после смерти Генриха Эдуард Сеймур поехал в Хэртфорд, где обитал девятилетний, теперь король, Эдуард, и отвез его в Хэтфилд, поместье, в котором жила Елизавета. Там он сообщил детям Генриха VIII о том, что их отец умер.

Через несколько недель Эдуард Сеймур объявил себя лордом-протектором при малолетнем короле Эдуарде и присвоил себе титул лорда Сомерсета.

У Эдуарда Сеймура, лорда Сомерсета, был младший брат,

Томас Сеймур, личность по-своему примечательная. Он прославился своими военными подвигами на суше и на море и в последние годы царствования Генриха VIII был его любимцем.

Когда на английский престол взошел малолетний Эдуард, Томас Сеймур получил титул графа Сеймура Садли и был назначен лордом-адмиралом, командующим английским военным флотом. Современники считали его хвастуном и авантюристом. У него со старшим братом – лордом-протектором были дурные отношения, и их соперничество сыграло значительную роль в истории взлета и падения Томаса Сеймура.

До того, как Екатерина Пар стала женой Генриха VIII, у нее был роман с Томасом Сеймуром. Совершенно очевидно, что, как подчеркивалось выше, Екатерина Пар была влюблена в Томаса Сеймура. Да и он, судя по всему, отвечал ей взаимностью. Но король тогда перешел ему дорогу, и она стала последней женой Генриха VIII.

Но теперь Генрих умер, и Екатерина Пар стала вдовствующей королевой. Прошло всего несколько месяцев со смерти Генриха VIII, и Екатерина Пар вышла замуж за лорда-адмирала Томаса Сеймура.

Существуют, правда, свидетельства того, что перед тем, как сочетаться браком с Екатериной Пар, Томас Сеймур рассматривал возможность, не жениться ли ему на Елизавете. Ничего удивительного в этом не было. Елизавета была кра-

сивой девушкой с отличной, статной фигурой, белоснежной, чистой кожей, огненно-рыжими волосами и очень красивыми руками, которыми она весьма гордилась всю жизнь.

Другое не менее важное обстоятельство – имя Елизаветы стояло третьим в завещании Генриха VIII. Конечно, это был минимальный шанс, но все-таки шанс – а вдруг все сложится так, что она окажется королевой. Тогда ее муж станет королем.

А Екатерина Пар, став женой Томаса Сеймура, поселилась с ним в поместье в Челси и увезла туда Елизавету. Вот тут лорд-адмирал и развернул боевую кампанию. По утрам он в халате заявлялся в спальню Елизаветы, начинал поглаживать ее груди и бедра, стараясь пробудить ее чувственность. Елизавета отбивалась как могла, забивалась в угол кровати, но Томас Сеймур залезал к ней под простыню и продолжал свое сексуальное наступление.

Все это происходило буквально на глазах у жены Томаса Сеймура, Екатерины Пар. Поначалу она не придавала большого значения этим любовным забавам своего мужа. Известен даже случай, когда лорд-адмирал настиг Елизавету в саду и стал срывать с нее платье и белье, явно желая увидеть ее обнаженное тело. Любопытно другое – Екатерина Пар не только при этом присутствовала, но и удерживала Елизавету.

Однако постепенно Екатерина Пар начала понимать, что любовные игры ее мужа с Елизаветой вовсе не безобидны, а напротив – представляют серьезную опасность. Она ощутила

реальную угрозу, когда однажды неожиданно вошла в комнату и застала там своего мужа, страстно целующего Елизавету. Екатерина Пар стала понимать, что заигрывание Томаса Сеймура с молоденькой девушкой Елизаветой может обернуться большим скандалом. Она решила убрать Елизавету из своего дома и отправила ее в Хэтфилд.

Осталось неизвестным, как реагировала Елизавета на сексуальные посягательства лорда-адмирала. На этот счет существуют разные мнения. Одни биографы Елизаветы высказывали предположение, что ее решение остаться девственницей и умереть девственницей было вызвано страхом перед сексуальной близостью с мужчиной, порожденным грубым насилием со стороны Томаса Сеймура. Другие историки считают, что любовные игры, которым предавалась Елизавета, став королевой, были следствием чувственности, разбуженной в ней еще в юности Томасом Сеймуром. А может быть, имело место и то и другое. Во всяком случае ясно одно – умная Елизавета понимала, что ее отношения с лордом-адмиралом могут привести к весьма опасным для нее последствиям.

Тем временем Екатерина Пар забеременела от своего мужа. В сентябре она умерла при родах в возрасте тридцати шести лет. Ребенок родился мертвым.

Овдовев, Томас Сеймур с новой энергией обратился к своему давнему намерению – жениться на Елизавете. Он предложил ей переехать в его дом в Лондоне, настойчиво

добивался разрешения Елизаветы навестить ее в Хэтфилде. Однако придворные дамы убедили ее, что это будет в высшей степени неразумно с ее стороны. И так уже ходили слухи о том, что вскоре она и лорд-адмирал сочетаются браком. Однажды казначей Елизаветы Томас Перри спросил у нее, намерена ли она выйти замуж за Томаса Сеймура, если Королевский совет разрешит ей такой брак. Елизавета отказалась отвечать на этот вопрос.

Развязка наступила неожиданно. 17 января 1549 года лорд-адмирал Сеймур был арестован по приказу своего брата лорда-протектора. Его обвиняли в государственной измене, в том, что он намеревался свергнуть лорда-протектора и Тайный совет и подчинить себе малолетнего короля Эдуарда. Одно из тридцати трех обвинений гласило, что Томас Сеймур собирался жениться на Елизавете «с тайной и коварной целью, что угрожало жизни Его Королевского Величества». Лорда-адмирала бросили в Тауэр, а Елизавету подвергли домашнему аресту в Хэтфилде. Лорд-протектор послал туда сэра Хабриуса допрашивать ее. В Тауэре оказались и приближенная Елизаветы Кэт Эшли, и ее казначей Перри.

Елизавета оказалась в весьма затруднительном положении. Она не хотела говорить ничего, что могло бы подкрепить обвинение против Сеймура и его слуг или против нее самой. Но она понимала, что если будет упорно отказываться отвечать на вопросы, это вызовет подозрения и ее могут обвинить в неуважении к королю, лорду-протектору и Ко-

ролевскому совету. Когда сэр Байруит сообщил ей, что Кэт Эшли и Перри находятся в Тауэре, она была потрясена и долго плакала, но ничего ему не сказала.

Байруит предупредил Елизавету, что она может поставить себя в весьма опасное положение. А если она во всем признается, лорд-протектор отнесется к ней снисходительно, принимая во внимание ее молодость. Байруит пытался очернить Кэт Эшли и подталкивал Елизавету к тому, чтобы та ради собственного спасения свалила всю вину на свою приближенную, но она не пошла на это. Байруит писал лорду-протектору: «Она ни за что не даст никаких показаний против миссис Эшли или своего казначея в том, что касается лорда-адмирала, и тем не менее я вижу по ее лицу, что она виновата».

На втором допросе Байруит решил прибегнуть к более мягким методам воздействия и понял, что это приносит больше результатов, особенно когда он сказал Елизавете, что Кэт Эшли выпустили из Тауэра и она находится под домашним арестом в Вестминстере. В своем донесении лорду-протектору Байруит отмечал, что Елизавета обладает незаурядным умом.

В ходе дальнейших допросов Байруиту удалось уговорить Елизавету подписать заявление, в котором она согласилась подтвердить только то, что миссис Эшли говорила ей о желании Сеймура жениться на ней и что он высказывал такое желание до своего брака с Екатериной Пар и после ее смерти.

Елизавета признавала, что она знала о слухах, которые ходили вокруг нее и Сеймура. Она просила лорда-протектора опровергнуть слухи о ее заключении в Тауэр и беременности от Сеймура, ибо «такие слухи не могут распространяться в отношении сестер Его Величества короля, каковой я являюсь».

Седьмого марта, после того как Кэт Эшли в течение шести недель находилась под арестом, Елизавета написала письмо лорду-протектору с просьбой быть милосердным к супругам Эшли. Вскоре они и Перри были освобождены, а вот Томаса Сеймура парламент признал виновным в измене, и 20 марта он был обезглавлен.

Лорд-протектор не надолго пережил своего брата. Летом 1549 года в Корнуолле и Девоне вспыхнули серьезные волнения среди католиков, которые протестовали против засилия протестантов. Одновременно начались выступления в Норфолке, где большинством населения были протестанты, выступавшие против ограждения земель.

Оба восстания были подавлены, но Совет усмотрел в них последствия либеральной политики лорда-протектора, и в октябре лорд Сомерсет был смещен со своего поста и брошен в Тауэр. На его место сел Джон Дадли, граф Уорвик. Через несколько месяцев Сомерсет был освобожден и ему даже вернули его место в Совете. Однако Уорвик просто выжидал, и в январе 1552 года Сомерсет был обвинен в измене и обезглавлен.

На Англию навалилась черная туча католической реакции. Главными проводниками этой политики стали Гарднер и Боннэр, лондонский епископ, который был активным участником казни протестантов во времена правления Генриха VIII.

Но настоящим знаменем католической реакции стала принцесса Мария, дочь Генриха VIII от Екатерины Арагонской. Она была девушкой храброй, упрямой, нетерпимой, неспособной на компромиссы, убежденной, что она всегда права, а ее оппоненты не правы, исполненная решимости отстаивать свое мнение и любой ценой заставить всех согласиться с этим мнением. Фанатичная католичка и негибкая консерваторша, она свято верила, что католической церкви и всем традиционным ценностям, которые государство и церковь защищали на протяжении последних веков, угрожает новая религия – протестантство. Религия, которую посланцы Сатаны насаждают по всему христианскому миру.

Мария никого на свете не боялась, даже своего грозного отца. Она подчинилась ему только в 1536 году, когда он угрожал ей эшафотом, если она ослушается приказа. Тогда ее друг, посол Карла V Чапиус, с трудом убедил девушку, что папа римский и император считают, что она должна уступить отцу.

Мария была готова в течение трех лет сопротивляться отцу, но никак не собиралась повиноваться ссорящимся между собой советникам своего сводного брата, малолетнего коро-

ля Эдуарда VI. Уорвик поначалу был готов уступить Марии, но в августе 1551 года решил применить к Марии жестокие меры. Он послал лорда-канцлера и других членов Тайного совета в дом Марии в Ростхолле в Эссексе, чтобы сообщить ей, что в дальнейшем она должна подчиняться законам. Мария не впустила посланников в дом, а выглянув из окна, ругала их последними словами.

А вот с Елизаветой у Уорвика и членов Тайного совета не было трудностей. Она с радостью приняла все нововведения протестантов. Хотя правительство не делало достоянием гласности свои осложнения с Марией, в Лондоне было известно, что Мария – католичка, а Елизавета – протестантка. Елизавета становилась весьма популярной среди значительной части лондонцев.

Это не могло не вызывать раздражения у Марии. Та не могла забыть и простить унижения, испытанного ею в годы царствования Анны Болейн, когда Марии пришлось выполнять роль фрейлины при маленькой Елизавете. А теперь протестантка Елизавета оказывалась не только личным врагом Марии, но и врагом Господа Бога.

Прошло около года после казни Томаса Сеймура, и в течение всего этого времени Елизавета спокойно жила в своем имении в Хэтфилде, но в январе 1550 года, через три месяца после падения Сомерсета, она появилась при дворе и была там, в отсутствие Марии, встречена с большим почетом. Посол Карла V Ван дер Делорд сообщил своему хозяину, что

принцесса Мария не пользуется всеобщей любовью, а вот леди Елизавету уважают и любят. В ноябре 1550 года новый посол Карла V в Лондоне Шехер писал сестре Карла, Марии Венгерской, регентше Нидерландов, что Уорвик подумывает развестись со своей женой, чтобы жениться на Елизавете и после смерти короля Эдуарда править Англией в качестве короля.

Когда в январе 1550 года Елизавета снова приехала ко двору в сопровождении сотни всадников королевской гвардии, посол Шехер сообщал в Мадрид, что члены Тайного совета встретили ее с большим почетом. Послы Франции и Венеции нанесли ей визиты, Шейхер тоже признал, что было бы уместно посетить Елизавету, но ему сказали, что она находится у короля и не может принять его.

На преданных протестантов Елизавета производила благоприятное впечатление и тем, что одевалась гораздо скромнее других придворных дам. Когда Мария Гиз, вдова короля Шотландии, осенью 1551 года посетила Лондон на пути из Франции в Шотландию и в ее честь устраивались королевские приемы в Хэмптонкорте и Уайтхолле, все придворные дамы старались перещеголять друг друга роскошью своих туалетов и вычурностью причесок. Елизавета среди них выглядела по-девичьи скромно.

Ей исполнилось восемнадцать лет, и Лондон полнился слухами о ее возможном замужестве. В качестве жениха ей прочили Жана де Бурбона, герцога Эншенского, брата Ан-

туана де Бурбона, который женился на Жанне де Альбрехт и позднее стал королем Наваррским. Однако спустя несколько месяцев ее будущим супругом стали называть герцога Омейла, брата герцогини де Гиз. В числе возможных претендентов на руку Елизаветы фигурировал и сын короля Дании.

Однако вперемешку с этими слухами по Лондону ползли разговоры о том, что Елизавета не хочет выходить замуж. В марте 1552 года, когда Елизавета проезжала через Лондон в сопровождении военного эскорта, чтобы навестить короля Эдуарда VI в Сент-Джеймском дворце, посол Карла V сообщал в Мадрид, что Уильям Герберт, граф Пемброк, видный член Тайного совета незадолго до того овдовевший, предложил Елизавете выйти за него замуж, но она ему отказала.

Возможно, из-за ее нежелания выходить замуж она перестала пользоваться благоволением короля Эдуарда и его первого министра Нортумберленда. Эдуард, который с детства дружил с Елизаветой, и Нортумберленд решили исключить Елизавету из числа возможных преемников английского престола.

В это время королю Эдуарду исполнилось пятнадцать лет, он отличался умом и был убежденным протестантом. Он знал, что дни его сочтены – Эдуард медленно умирал от туберкулеза, – и беспокоился, что английская корона достанется, согласно завещанию Генриха VIII, католичке Марии. Вот тогда Эдуард и Нортумберленд разработали план, как отстранить Марию. Они решили, что английский престол дол-

жен перейти леди Джейн Грей, внучке сестры Генриха VIII, которая была замужем за сыном Нортумберленда, лордом Джилфордом Дадли, хотя в завещании Генриха VIII она шла третьей, после Марии и Елизаветы.

В мае 1553 года, не советуясь ни с кем, кроме Нортумберленда, король Эдуард подписал документ, в котором завещал английский престол Джейн Грей, а после нее ее сестрам. В этом документе Эдуард указывал, что его сводные сестры Мария и Елизавета исключены из числа наследников короны потому, что они обе незаконнорожденные, так как браки Генриха VIII с Екатериной Арагонской и Анной Болейн были аннулированы церковью. В документе Эдуард обещал Марии и Елизавете, что если они согласятся с его положениями, то получают содержание в тысячу фунтов стерлингов в год каждая и подарок – 10 тысяч фунтов стерлингов каждая, когда выйдут замуж.

Когда Эдуард приказал членам Совета скрепить этот документ своими подписями, советники заколебались. Судьи сочли его противозаконным, так как он противоречил завещанию Генриха VIII, которое актом парламента стал законом. Эдуард стал приглашать членов Совета к себе поодиночке и сумел убедить их подписать документ. После этого уже было нетрудно получить согласие судей, лорда-мэра Лондона и других. Король Эдуард VI скончался 6 июля 1553 года в Гринвиче.

Его смерти сопутствовало немало темных и тревожных

слухов. Все знали, что король тяжело болен и медленно угасает. В лондонских пабах-тавернах, где посетители в больших количествах пили пиво и обсуждали последние новости, рассказывали, что кое-кто видел в окне Гринвичского дворца белое лицо, голову с выпавшими волосами. Говорили, что у короля выпали и ногти, и что это результат отравления ядами.

Знатоки утверждали, что герцог Нортумберленд после того, как он убедил короля отстранить от наследования престола Марию и Елизавету, расчищая тем самым дорогу к трону жене своего сына Джейн Грей, полагал, что смерть короля неплохо бы ускорить. Называли и имя одного из сыновей Нортумберленда, лорда Роберта Дадли. Он был одним из тех, кто способствовал уходу короля в мир иной.

В ночь смерти короля сторонники Марии послали верхового гонца к ней в Ханстон, чтобы предупредить, что ей необходимо срочно скрыться. Люди Нортумберленда вооружаются и готовы выступить. Марию будут заманивать в Тауэр якобы для ее коронации, но как только она въедет в Тауэр, ворота за ней захлопнутся и она окажется пленницей своих врагов, а на престол возведут Джейн Грей.

На следующее утро, когда лорд Роберт Дадли прискакал в Ханстон, чтобы везти Марию в Лондон, в Тауэр, ее там уже не было.

Спустя четыре дня Джейн Грей была провозглашена в Лондоне королевой Англии. Однако Мария отказалась при-

знавать коронацию законной. Она нашла убежище в замке Франклинхэм в Норфолке и обратилась к народу за помощью. Карл V и его посланцы в Лондоне были уверены, что Нортумберленд с войсками, которыми он командовал, без труда подавит всякое сопротивление и арестует Марию. Многие советовали Марии подчиниться и признать Джейн Грей королевой Англии, но, к их изумлению, народ поднялся на защиту Марии. За несколько дней во Франклинхэме собралось сорок тысяч человек. Команды кораблей, посланных Нортумберлендом к побережью Норфолка, чтобы не допустить бегства Марии морем в Нидерланды, взбунтовались и перешли на сторону Марии. Протестанты, как и католики, поддерживали Марию. Так, например, Купер, непоколебимый протестантский епископ Глочестера, призывал своих прихожан сражаться за Марию, поскольку она законная королева. Протестанты по всей Англии, хотя были и пассивны, но поддерживали ее. Им стала отвратительна коррупция Нортумберленда и его окружения, а также те способы, которыми он обогащался, используя идеи протестантизма.

Нортумберленд собрал армию и двинулся против Марии, но, когда он дошел до Кембриджа, ему стало известно, что Тайный совет в Лондоне сверг королеву Джейн Грей после девяти дней ее царствования. 10 июля двое членов Тайного совета, граф Арандель и лорд Паже, оба протестанты, убедили своих коллег перейти на сторону Марии и поручили лорду-мэру Лондона провозгласить в Чипсайде Марию короле-

вой Англии.

Жители Лондона шумно приветствовали восшедшую на престол Марию, зажигали фейерверки, повсюду на улицах были расставлены столы с выпивкой и угощением, звонили колокола во всех церквях. Когда Нортумберленд узнал о том, что происходит в Лондоне, он решил капитулировать и на рыночной площади в Кембридже провозгласил Марию королевой Англии. С этим решением он опоздал на сорок восемь часов. Мария уже послала людей арестовать его и отправить в Тауэр. В течение следующей недели многие сторонники Джейн Грей приезжали во Фрауглинхэм, чтобы приветствовать Марию как королеву Англии. Большинство их Мария простила, но кое-кто был арестован. 26 июля сын Нортумберленда, лорд Роберт Дадли, был посажен в Тауэр, где уже находились сам Нортумберленд и Джейн Грей.

Что же делала Елизавета в эти критические дни борьбы за власть? А ничего. Ее это словно не касалось. Кто бы ни победил в этой схватке, Елизавета не выигрывала. Если бы победили Джейн и Нортумберленд, Англия осталась бы протестантской страной и Елизавета продолжала бы комфортно жить в своих поместьях, но была бы навсегда исключена из числа претендентов на английский престол.

В случае победы Марии продолжало действовать завещание Генриха VIII и права Елизаветы на королевский престол в Англии оставались бы в силе, но власть оказывалась в руках ее сестры, которая ненавидела ее и всех протестантов.

Елизавета десять дней ожидала исхода этой схватки и 29 июля отправилась в Лондон в сопровождении тысячи всадников. Переночевав в своей резиденции в Сомерсет-плейс между Лондоном и Вестминстером, она на следующий день проехала через Лондон, чтобы встретить Марию, которая неторопливо ехала из Норфолка.

Третьего августа Мария въехала в Лондон, шумно приветствуемая своими сторонниками.

Елизавета ехала рядом с Марией, которая всячески демонстрировала свое расположение к сводной сестре, подчеркивая, что Елизавета принцесса и наследница английского престола. Этой идиллии не суждено было длиться долго.

Глава 6

Узница Тауэра

Итак, 1 октября на английский престол взошла дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской – Мария, получившая в народе прозвища Мария Католичка и Мария Кровавая.

Начал раскручиваться новый виток истории Англии.

Свою победу Мария отметила торжественной католической мессой в дворцовой часовне. На богослужении присутствовал весь двор, за исключением Елизаветы. Когда Мария настойчиво посоветовала Елизавете посетить мессу, та ответила, что она протестантка и это будет противоречить ее совести. Ее отсутствие в часовне было замечено не только послом Карла V Симоном Ренаром и французским послом Антуаном де Ноалье, но и всеми придворными. Эта новость быстро распространилась по всему Лондону.

Карл V считал приход Марии к власти в Англии своим самым большим триумфом. Ведь он безоговорочно поддерживал Марию в течение двадцати лет ее испытаний и теперь полагал, что вправе пожинать плоды. Недаром же Мария подписывала свои письма к Карлу V «Ваша самая преданная дочь, сестра и кузина».

В бесконечной войне, которую Карл V вел с Францией, для него всегда было жизненно важным заручиться союзом

с Англией. Теперь, с воцарением Марии такая перспектива становилась реальной.

Но Карл V лелеял еще более грандиозный план, осуществление которого стало бы венцом его политической карьеры. Император решил женить своего сына Филиппа на новой королеве Англии Марии.

Вот тогда бы Карл V окончательно привязал Англию к своей колеснице и стал властелином Западной Европы.

Марии исполнилось тогда тридцать семь лет, и ей, воспитанной в духе религиозного аскетизма, была неприятна сама мысль о физической близости с мужчиной, но она была готова исполнить свой долг перед церковью и выйти замуж за Филиппа, чтобы родить наследника престола.

Но у Карла было условие: «Пока живы такие опасные предатели, как леди Елизавета, драгоценная жизнь принца Филиппа не может быть доверена королеве Марии». Это могло означать только одно – Елизавета должна умереть. Именно такую цену требовал император Карл V.

Карл V был тонким и изощренным политиком, он и его посол в Лондоне Ренар давали Марии умные советы. Они подсказывали новой королеве Англии, что ей следует без всякой пощады казнить как изменников всех, кто помогал Джейн Грей, кто может хоть как-то угрожать положению Марии. Второй совет сводился к тому, что ни в коем случае не надо насильственно утверждать в стране католическую веру. Сама королева вместе со своими придворными может отста-

ивать мессу в дворцовой часовне, но она должна громогласно заявить, что не будет принуждать англичан-протестантов переходить в католицизм. В этом вопросе она должна действовать постепенно и очень осторожно.

Сам Карл V казнил протестантов без пощады в своих владениях в Нидерландах, но он опасался, что если Мария будет торопиться с обращением Англии в католицизм, это может вызвать народное восстание.

Мария не последовала ни одному из этих двух советов.

Правда, Нортумберленд и двое его ближайших соратников были казнены, но Мария помиловала Джейн Грей и ее мужа Дадли и почти всех сторонников Джейн.

А вот в вопросе о насильственном обращении протестантской Англии в католицизм она была непреклонна. Она говорила, что готова простить преступления против нее лично, но не может простить преступление против Бога.

Ее религиозная политика привела к тому, что протестанты, которые горячо поддерживали Марию в ее борьбе против Джейн Грей, за какой-нибудь месяц отвернулись от нее. Эта ситуация была на руку Елизавете. Теперь она пожинала плоды своего нейтралитета в схватке Марии с Джейн Грей. Многие протестанты, которым были одинаково отвратительны и Нортумберленд и Мария, теперь видели альтернативу в другой принцессе – Елизавете.

Она стояла в стороне от кровавой борьбы за престол, было широко известно, что она отказалась участвовать в като-

лической мессе, и это весьма способствовало ее авторитету среди протестантов.

Но у этой медали была обратная сторона. Растущая популярность Елизаветы таила для нее немалые опасности. В конце августа посол Карла V Ренар писал королеве Марии, предупреждая, что она не должна доверять Елизавете, поскольку та протестантка: «Похоже, что она в политических целях связывается с новой религией, чтобы привлекать сердца и обеспечивать себе поддержку приверженцев этой религии на тот случай, если она задумает заговор. Мы можем ошибаться, подозревая ее, но на этой начальной стадии лучше предусмотреть, чем опоздать».

В этой обстановке, когда каждый день арестовывали все новых видных протестантов, Елизавета попросила аудиенции у Марии. Королева заставила ее ждать целых два дня и наконец приняла в галерее дворца в Ричмонде. Елизавета подползла к Марии на коленях. Она сказала, что была воспитана как протестантка, но она просит снабдить ее католическими книгами, которые покажут ей, в чем она ошибалась. Мария напоминала, как она надеялась, что Елизавета будет на месте в королевской часовне 8 сентября в день рождества Девы Марии. Елизавета просила простить ей ее отсутствие, объясняя это тем, что у нее были боли в животе, и обещала посетить мессу в следующий католический праздник. Королева Мария, Гардинер и Ренар не верили в искренность Елизаветы. Они расценили первоначальный отказ Елизаветы по-

явиться на мессе и ее последующее обращение в католицизм как хитрую политическую тактику, с помощью которой она хочет спасти свою жизнь и заставить протестантов думать, что в душе она убежденная протестантка. Гардинер рассказал Ренару, что «они были у леди Елизаветы, чтобы убедить ее и отвлечь ее от ошибок», и она согласилась посетить мессу. Но он думает, что она маскируется, чтобы «лучше вести свою игру». Их опасения получили некоторые подтверждения, когда Елизавета не пришла на мессу и в следующее воскресенье. Но это был последний спазм сопротивления – в дальнейшем она послушно посещала мессы.

Неизвестно, было ли обращение Елизаветы в католическую веру искренним, но Марии оно во всяком случае было на руку. Она назначила на октябрь заседание парламента, на котором планировала утверждение католицизма как государственной религии и ожидала, что члены парламента не будут сопротивляться ее намерениям.

Посол Франции Нуаль писал Генриху II, что он полагает, что Елизавета пошла к мессе «более из страха за свою жизнь, чем по убеждению». Тем не менее Мария теперь демонстрировала свое расположение к Елизавете, ибо знала, что слухи о том, что Елизавета посещает мессу, помогут ей убедить парламент проголосовать за восстановление католицизма как государственной религии.

Такого же мнения придерживался и посол Ренар. В сентябре он писал Карлу V, что присутствие Елизаветы на мес-

се, даже если она лицемерила, тем не менее послужит «делу укрепления истинной религии».

Конечно, Елизавета была вылеплена не из того теста, из которого Господь Бог формирует мучеников, готовых на самопожертвование во имя религиозных постулатов.

Если бы она противилась, ее могла ожидать более страшная судьба, нежели Марию во времена правления Эдуарда VI и даже Генриха VI. Отказ Елизаветы прийти к мессе мог быть расценен как проявление ереси, и хотя закон о борьбе с ересью не был еще восстановлен, Елизавета прекрасно знала, как католические монархи обращаются с еретиками. Она даже не могла быть уверенной, что ее королевское происхождение уберезет ее от костра, поэтому неудивительно, что Елизавета в этой ситуации капитулировала и 8 сентября 1553 года пошла к мессе.

Коронация Марии состоялась в Вестминстерском аббатстве 1 октября после традиционной процессии, выехавшей из Тауэра. Паланкин Елизаветы следовал сразу же за паланкином Марии, она занимала это место и во время процедуры коронования, и на торжественном пиру. Елизавета была первой, кто принес клятву верности новой королеве, однако посол Ренар был уверен, что она приносит эту клятву неискренне и что тайно сносится с французским послом. Он вновь предупреждал Марию, что Елизавета представляет собой опасность для нее. Ему было нетрудно в этом убедить Марию, которая признавалась послу, что она ненавидит Ели-

завету как дочь Анны Болейн. Мария заверила Ренара, что не доверяет Елизавете, хотя та клялась, что не лицемерила, когда пошла к мессе, и что Елизавета «была очень робкой» и трепетала, когда разговаривала с ней. Однако Ренар писал Карлу V, что он «иначе трактует ее ответ и ее трепет».

Французский король Генрих II столкнулся с тем, что национальные интересы Франции находятся в противоречии с его религиозными убеждениями. Он был ревностным католиком, еще более ревностным, чем его отец Франциск I. При Генрихе II преследования протестантов стали еще более свирепыми и изощренными. Их жгли теперь во Франции на медленном огне, чтобы они дольше мучились, многих перед казнью подвергали жестоким пыткам, вырывали у них язык, чтобы они не могли с костра выкрикивать свои еретические тексты.

Но, с другой стороны, Генрих II прекрасно понимал, что восшествие Марии на английский престол означал крупную дипломатическую победу Карла V. Англия становилась постоянным союзником Карла, и теперь император, владея Нидерландами, Италией и Испанией, завершал окружение Франции железным кольцом.

Карл V поручил своему послу в Лондоне Нуалю поздравить Марию с ее решением восстановить в стране «славу Господа Бога» и святой католической веры и истиной религии, но в то же время старался предотвратить ее брак с Филиппом Испанским.

Когда в октябре собрался английский парламент, он принял акт, согласно которому брак Генриха VIII с Екатериной Арагонской признавался законным, а их развод, напротив, объявлялся противозаконным; следовательно, Мария является законной наследницей английского престола. В этом акте Елизавета не упоминалась, и поскольку он не отменял акта 1536 года, который объявлял Елизавету незаконнорожденной, то она, в отличие от Марии, считалась бастардом, но это не влияло на ее право, согласно завещанию Генриха VIII, наследовать корону Англии.

Посол Ренар считал, что новый акт должен быть принят, чтобы исключить Елизавету из числа наследников английского престола. Карл V пошел дальше и предложил, если Елизавета замышляет заговор с французским послом, как докладывал Ренар, за ней нужно установить слежку с тем, чтобы потом заключить ее в Тауэр.

Были и другие планы в отношении Елизаветы – выдать ее замуж за какого-нибудь принца, хорошего католика, который взнуздает ее. Одним из таких кандидатов в мужья назывался еще при жизни Генриха VIII Эммануэль Филипп Берт, герцог Савойский. Еще шла речь о Доне Карлосе, сыне Филиппа Испанского. Хотя ему тогда было восемь лет и он был на двенадцать лет моложе Елизаветы, при заключении династических браков это не служило препятствием.

Фигурировал среди возможных кандидатов и Эдуард Кортени. На английском горизонте той поры он был весьма за-

метной фигурой. Его отца, маркиза Эксетера, казнили в 1538 году по приказу Генриха VIII, а его сын Эдуард, которому исполнилось всего восемь лет, был брошен в Тауэр, откуда его выпустили, когда ему было уже двадцать три года.

Мария заехала в Тауэр на пути из Франклинхэма в Лондон. Она высоко ценила мать Эдуарда, памятуя ее роль в укладывании Джейн Сеймур в постель Генриха VIII и свержении Анны Болейн. Мария назначила ее своей фрейлиной, а Эдуарду даровала титул графа Девонского. Она носилась с идеей женить Эдуарда Кортени на Елизавете, полагая, что он, как добрый католик, будет влиять на Елизавету положительно. У нее была даже мысль убедить парламент изменить завещание Генриха VIII и сделать Эдуарда Кортени наследником английского престола, как мужа Елизаветы, отодвинув ее на задний план. Однако вскоре Мария заметила, что Кортени на придворных приемах оказывает слишком большое внимание Елизавете, и у нее сразу же возникли подозрения.

Случилось так, что имя Эдуарда Кортени оказалось связанным с судьбой Елизаветы в одном эпизоде в ее жизни, который мог стоить ей головы.

Мария и ее главный советник Гардинер были уверены, что Елизавета и Кортени связаны с французским послом и замышляют заговор с целью свержения Марии, а также планируют разорвать дружбу Англии со Священной Римской империей германской нации и с Испанией.

Мария и посол Карла V Ренар долго не могли решить, что для них выгоднее – оставить Елизавету при дворе или отправить в ее имение в Хэртфордшире. Находясь при дворе, Елизавета будет иметь полную возможность сноситься с Кортени, но зато здесь гораздо легче держать ее под наблюдением, чем в ее имениях. Проблему решила сама Елизавета – она попросила у Марии разрешения уехать в ее поместье в Ашридж неподалеку от Сенталбанс.

Между тем протестантские экстремисты, «горячие головы», как нарочно, делали все, чтобы спровоцировать Марию на репрессии. Известна была, например, такая злая выходка. Они подбросили в приемный зал королевы мертвую собаку, у которой голова была выбрита, как у католических священников, на шее – петля и записка, извещавшая, что такая участь ждет всех католических священнослужителей.

Дело не ограничивалось такими жестокими шутками. Они собирались устроить восстание, чтобы предотвратить замужество Марии с Филиппом Испанским, которое должно было повлечь за собой потерю Англией национальной независимости, и восстановить в правах протестантскую религию. Они намеревались свергнуть Марию с английского престола, посадить на него Елизавету, которая после этого выйдет замуж за Кортени.

Центр заговора находился в Кенте, который после Лондона был вторым местом Англии по количеству протестантов. Возглавлял заговор сэр Томас Уайет. Он писал Елизавете и

Кортени письма, в которых сообщал о своем плане возведения их на престол. Эти письма были перехвачены шпионами правительства. В их руки попала также переписка заговорщиков с французским послом Нуалем, но они не обнаружили ни одного письма от Елизаветы или Кортени Уайету или французскому послу.

В середине января 1554 года Мария, Гардинер и Ренар имели полное представление о масштабах заговора, но не предпринимали никаких репрессий против участников восстания, чтобы заговорщики чувствовали себя в безопасности и обнаружили все детали и всех участников мятежа.

Двадцать пятого января Уайет и его сторонники выступили в Рочестере. На следующий день Мария написала Елизавете, сообщая о восстании и приказывая ей вернуться ко двору, где она будет в большей безопасности, чем в своих поместьях.

В тот же день Нуаль отправил письмо Генриху II, объясняя, что заговорщики выступили за два месяца до намеченного срока. Посол вложил в это письмо и копию письма Елизаветы королеве. Оно было перехвачено правительственными шпионами. Мария, Гардинер и Ренар могли торжествовать – именно такого доказательства им не хватало.

Становилось очевидным, что, во-первых, французский посол загодя знал о готовящемся заговоре. А во-вторых, он сносился с Елизаветой – иначе откуда он мог получить копию ее письма королеве?

Приближенные Елизаветы ответили на приказ Марии, сообщая, что Елизавета не может ехать в Лондон, так как она заболела. Королева послала к Елизавете двух врачей, которые подтвердили, что принцесса действительно больна.

Тем временем Уайет во главе семи тысяч своих сторонников двинулся на столицу. Он предпринял штурм Ладгейских ворот Лондона, но безуспешно. Он был разбит, захвачен и заключен в тюрьму.

Положение Елизаветы становилось крайне опасным. Восстание Уайета показало Марии, насколько прав был Карл V, советуя ей беспощадно расправиться с мятежниками. В течение недели Джейн Грей, ее муж и ее отец были обезглавлены. Император также советовал Марии заключить Елизавету в Тауэр.

В середине февраля врачи, присланные Марией, сообщили ей, что Елизавета выздоровела настолько, что может ехать ко двору. День, когда принцессу Елизавету отвезли в Лондон, описал Ренар: «Леди Елизавета приехала сюда вчера, одетая во все белое, окруженная большим количеством людей королевы Марии, помимо ее сопровождающих. Она приказала раздвинуть шторы паланкина, в котором ее везли, чтобы народ мог увидеть ее. Лицо принцессы было бледным и напряженным, гордым, неприступным и презрительным — так она старалась скрыть свое волнение».

Елизавету везли сквозь молчащую толпу, глазевшую на нее, как и на ее мать в тот день, когда баржа доставила Анну

Болейн в Тауэр, после чего ее больше никто не видел.

Кортеж миновал Смитфилд, где скоро запылают костры, на которых будут сжигать протестантов, спустился по Флит-стрит, проследовал к Уайтхоллу и втянулся во дворец. Королева Мария отказалась принять Елизавету.

Смерть была совсем рядом, заглядывала ей в глаза.

В Лондоне Елизавету около месяца держали в комнатах в Вестминстерском дворце, пока Мария и ее советчики решали, что с ней делать дальше. В конце концов было принято решение заточить ее в Тауэр. Мария приказала, чтобы Елизавету перевезли в Тауэр по Темзе, в барже. Она опасалась, что если Елизавету повезут по лондонским улицам, то ее сторонники-протестанты попытаются отбить ее.

Дождливым днем 17 марта 1554 года, в Вербное воскресенье, Елизавету высадили с баржи у ворот Тауэра, которые впоследствии получили название «Ворота предателей», а тогда именовались просто «уотергейт», водные ворота.

Елизавета поскользнулась на мокрых ступенях, ноги ее оказались в холодной воде Темзы, она присела на мокрый от дождя камень. Комендант Тауэра сэр Джон Бриджес сказал ей: «Мадам, вы бы лучше укрылись от дождя, а то вы можете простудиться». – «Лучше сидеть здесь, чем в гораздо худшем месте, – отозвалась Елизавета. – Видит Бог, я не знаю, куда вы ведете меня».

Два месяца провела Елизавета в Тауэре, каждый день ожидая, что ее повезут на казнь. Ей было категорически за-

прещено общаться с внешним миром и с другими заключенными Тауэра.

Два томительных месяца королева Мария и ее ближайшие советники Гардинер и Ренар решали судьбу Елизаветы. Ренар, выполняя волю императора Карла V, требовал казни Елизаветы. Но Мария понимала, что у них на руках нет никаких реальных доказательств государственной измены Елизаветы и парламент не утвердит акт о предании ее суду.

Обсуждался вариант – заключить ее в замок Палфред. Но надо было считаться и с такой возможностью, как месть со стороны двоюродного дедушки Елизаветы лорда-адмирала Уильяма Хоарда, которому подчинялся весь военно-морской флот Англии. А что, если он присоединится к французам и эмигрантам-протестантам и нападет на Англию?

Быть может, лучше отправить ее в королевское имение в Вудстоке, которое находится не на побережье, а в глубине Англии, где Елизавету можно держать под домашним арестом?

Так и порешили.

Глава 7

Путь к престолу

Девятнадцатого мая принцесса Елизавета вышла из ворот Тауэра и поднялась на борт баржи, которая должна была доставить ее в Вудсток. В Вестминстере королева Мария приказала, чтобы баржа нигде не причаливала вплоть до Ричмонда; она не хотела, чтобы сторонники Елизаветы приветствовали ее на пути следования и праздновали ее освобождение из Тауэра.

Елизавету сопровождали член Тайного совета сэр Генри Бедингфилд, лорд Уильямс и сотня вооруженных всадников.

Елизавета боялась радоваться – она ожидала худшего и боялась за свою жизнь. Когда они приехали в Ричмонд, она сказала лорду Уильямсу: «Этой ночью я думала, что меня везут на смерть», – однако тот заверил ее, что ей ничто не угрожает. На следующее утро они приехали в Виндзор. Когда они переезжали через реку, увидели группу слуг Елизаветы, которые собрались, чтобы посмотреть на свою хозяйку. Она попросила одного из своих стражников подъехать к ним и сказать от ее имени: «Везут, как овцу на заклание».

Ночь она провела в доме настоятеля собора, а на третий день проехала пятнадцать миль до Хайуайкомба. Когда они проезжали мимо Итонского колледжа, мальчики собрались

вдоль дороги, чтобы поприветствовать ее.

Бедингфилд писал Марии о том, как проходит поездка, и о том, как встречают Елизавету в деревнях, через которые они проезжают. Так, например, в Астоне четверо мужчин ворвались в церковь и стали звонить в колокола в честь Елизаветы. Их немедленно арестовали.

Уильямс и его жена устроили Елизавете в своем доме в Тейме поистине королевский прием, во время которого Бедингфилд счел нужным напомнить им, что Елизавета арестованная, обвиняемая в преступлениях против королевы.

На пятый день путешествия они достигли Вудстока. Здесь Елизавета оказалась в полной власти Бедингфилда. Правда, тот действовал в точном соответствии с инструкциями, которые выработала сама Мария. Елизавете разрешалось гулять, но только под присмотром Бедингфилда. От внешнего мира Елизавета была полностью изолирована – ей было запрещено получать и писать письма, принимать каких-либо посетителей.

Когда Елизавета попросила прислать ей несколько книг – Библию на английском языке, произведения Цицерона и Псалмы Давида на латыни, то ей это разрешили только после того, как Бедингфилд тщательнейшим образом проверил все страницы и прощупал корешки книг, дабы убедиться, что там не спрятаны какие-либо посылки.

Елизавета плохо переносила свое заточение. Она болела, лицо ее становилось одутловатым. Она часто плакала, а ино-

гда взрывалась во гневе. Однажды она попросила разрешения написать королеве Марии. Ничего хорошего из этого не вышло – она обращалась к Марии на «Вы», ни разу не называя королеву «Ваше Величество». Марию это весьма раздражило. Она написала Бедингфилду, что в письме Елизаветы видны ее гордость и упрямство, а также неискренность в выражении преданности королеве.

Однажды Елизавета нацарапала бриллиантом, который был у нее в кольце, на оконном стекле: «Меня во многом подозревают, ничего не могут доказать. Пишет Елизавета, узница».

А тем временем, пока Елизавета коротала томительные дни в Вудстоке, в Англии происходили важные события, имевшие к ней прямое отношение.

Двадцать третьего июля 1554 года в порту Саутгемптона высадился испанский брачный десант – около тысячи всадников, испанская и германская гвардии, триста слуг. Впереди процессии ехал всадник в черном бархатном костюме и фетровой накидке, лицо у него было на редкость бледным, напоминающим Белого всадника из Апокалипсиса, – это был принц Филипп, единственный сын императора Карла V.

По его мрачному лицу можно было подумать, что он едет на похороны, а не на собственную свадьбу – в Вестминстерском соборе его ожидала будущая жена, английская королева Мария. Филипп никогда ее не видел, но знал, что она гораздо старше его, сморщенная и больная. Внешность Ма-

рии не обманула ожиданий Филиппа – он увидел желтое лицо, все в морщинах, неуклюжую фигуру. Впрочем, выбора у него не было, за него решал его отец Карл V, а для Филиппа воля отца была свята. Брак принца Филиппа и Марии стал триумфом Карла V – его сын становился королем Англии. В брачном контракте было указано, что они правят Англией совместно. Однако при этом оговаривалось, что от их имени управлять страной будут министры-англичане.

Филипп строго наказывал своим придворным-испанцам, чтобы они не вели себя вызывающе, не оскорбляли национальные чувства англичан, но взаимная неприязнь усиливалась с каждым днем. Один из сопровождавших Филиппа испанцев писал: «Англичане ненавидят испанцев острее, чем дьявола, и ведут себя соответственно. Они грабят нас и в городе, и на дорогах». Он же делал такое наблюдение: «Мы, испанцы, проходим мимо англичан и стараемся не замечать их, словно они не люди, а скот. Они точно так же смотрят на нас».

Вслед за Филиппом в Англии появился кардинал Пол в качестве папского легата. Англия вновь подчинилась папскому престолу. Английский парламент возобновил действие Акта о борьбе с ересью, и с февраля 1555 года по всей Англии запылали костры, на которых сжигали протестантов.

Посол Ренар докладывал Филиппу: «Сир, жители Лондона ворчат по поводу вступления в силу Акта о борьбе с ересью, о чем свидетельствует публичное сожжение вчера неко-

его Роджера. Некоторые из тех, кто смотрел на это зрелище, плакали, другие молились за упокой его души. Кое-кто собирал пепел и кости сожженного в бумажные мешки, но были и такие, кто угрожал епископам... Ваше Величество должно обратить внимание на то, что леди Елизавета имеет своих сторонников, и вообще англичане не любят иностранцев».

Почти год – одиннадцать месяцев – провела Елизавета в Вудстоке. Мария понимала: если уж не удалось отправить Елизавету на плаху сразу же после восстания Уайета, то теперь это уже невозможно. Она решила, что разумнее держать Елизавету при дворе, чтобы легче было наблюдать за ней.

Восстановление Елизаветы в ее правах принцессы происходило не сразу. Когда 29 апреля 1555 года она приехала в Хэмптонкорт, ей было приказано не выходить из своих апартаментов. Ее не приглашали ни на одно празднество при дворе. Ей разрешили принимать посетителей, но желающих навестить ее оказалось немного. Покои кардинала Пола во дворце находились совсем рядом с ее апартаментами, но он за четыре месяца пребывания в Хэмптонкорте ни разу не пригласил ее к себе. Кортни был отправлен из Лондона с выдуманной дипломатической миссией в Брюссель за день до ее приезда в Лондон. Оттуда он поехал в Италию, где вскоре умер в возрасте двадцати шести лет.

Вскоре после того, как Елизавета приехала ко двору, Мария объявила, что беременна. Она уверяла, что почувствовала, как дитя шевельнулось в ее животе, как раз в тот день,

когда в Лондон прибыл кардинал Пол, и это означает, что она родит наследника английского престола, который обеспечит приверженность Англии католической вере.

Фрейлины Марии были уверены, что ей все это помешалось, но как раз на следующий день после того, как Елизавета приехала в Лондон из Вудстока, в соборе Святого Павла и во всех лондонских церквах звонили колокола в честь такого радостного события. Во Фландрии и в Испании объявили о грядущем рождении наследника английского престола, а вдовствующая португальская принцесса, которая на время отсутствия ее отца Карла V была регентшей, поторопилась написать и поздравить Марию с рождением сына – наследника английского трона.

Елизавета, находясь, по существу, заключенной в своих апартаментах в Хэмптонкорте, шила приданое сыну Марии – шапочку, пару туфельек, два жакетика. Она была очень искусной рукодельницей. Однако можно представить себе, что думала Елизавета, готовя приданое будущему королю Англии, появление на свет которого навсегда перекроет ей дорогу к трону.

Рождения ребенка Марии ждали с волнением все. Посол Ренар писал 14 июня Карлу V: «Сир, все в этом королевстве зависит от того, кем разродится от бремени королева... Если Бог пошлет ей благополучные роды, дела пойдут на лад. Если же нет, я предвижу осложнения и перемены к худшему, такие значительные, что мое перо не в силах это описать.

Можно с уверенностью сказать, что порядок наследования престола настолько плохо определен, что следующей будет леди Елизавета, а это будет означать торжество ереси и унижение религии».

Все оказалось блефом – никакого ребенка и в помине не было, Мария не была беременна, да и не могла быть. Теперь все, включая Ренара, понимали, что будущее принадлежит Елизавете, которая все еще была заключенной в ее апартаментах в Хэмптонкорте.

Возвращению Елизаветы ко двору во многом способствовал король Филипп. К лету 1555 года ему стало очевидно, что никакого ребенка Мария родить не может, а, следовательно, после смерти Марии английский престол перейдет к Елизавете. После Елизаветы, согласно завещанию Генриха VIII, королевский трон Англии должен был достаться Марии, королеве Шотландии, внучке сестры Генриха VIII Маргарет. Мария, королева шотландцев, жила во Франции при королевском дворе и была обручена с сыном Генриха II дофином Франциском. Если она станет английской королевой, то Англия станет союзницей и вассалом Франции, и это обернется крупным поражением для Испании и Священной Римской империи германской нации. Король Филипп прекрасно понимал всю опасность такой перспективы и предпочитал видеть на английском престоле скорее Елизавету, несмотря на ее симпатии к протестантству, нежели Марию, королеву шотландцев, сноху французского короля Францис-

ка. Поэтому и Филипп, и посол Ренар уговаривали Марию не лишать Елизавету права унаследовать английскую корону и добивались расположения Елизаветы как будущей королевы Англии.

Вернувшись ко двору, Елизавета познакомилась с Филиппом, и между ними завязались отношения. Некоторые историки высказывали предположения, что Филипп влюбился в Елизавету. В этом нет ничего странного, учитывая ее молодость и привлекательность по сравнению с ее стареющей и некрасивой сводной сестрой.

В августе Филипп уезжал из Англии в Брюссель, где его отец Карл V торжественно передал ему власть в Нидерландах. А спустя несколько месяцев Карл V сделал его и правителем Испании. Королева Мария отправилась в Дартфорд, откуда Филипп должен был отплыть в Нидерланды. Елизавета тоже была приглашена принять участие в этих проводах, но, в отличие от Филиппа и Марии, она должна была плыть на барже. Мария не хотела, чтобы по дороге Елизавету приветствовали ее сторонники.

Шесть недель провела Елизавета при дворе после отъезда Филиппа и потом попросила у Марии разрешения уехать в свой дом в Хэтфилде. Мария отпустила ее.

Спустя три недели умер враг Елизаветы, главный гонитель протестантов Гардинер. Его смерть ничего не изменила – протестантов продолжали сжигать на кострах по всей Англии. Угроза Елизавете отнюдь не миновала. Мария послала

одного из своих придворных поехать в Хэтфилд и учинить там обыск в поисках протестантских книг.

В марте 1557 года Филипп снова приехал в Лондон с целью обеспечить себе поддержку Англии в войне с Францией. Елизавета по этому поводу приехала ко двору. Филипп использовал эту встречу для того, чтобы попытаться уговорить Елизавету выйти замуж за Эммануэля Фелиберта. Филипп рассчитывал получить от Фелиберта взамен руки Елизаветы Ниццу и другие районы Савойи. В запасе у Филиппа был и другой вариант – выдать Елизавету замуж за Александра Фарнезе, сына герцога Пармского и Маргарет, незаконнорожденной дочери Карла V. Правда, ему было всего двенадцать лет, а Елизавете двадцать четыре, но это никого не смущало.

Под влиянием Филиппа Мария объявила войну Франции. В июле Филипп отплыл из Англии с десятью тысячами английских солдат, которые присоединились к его испанским войскам в Нидерландах, и вторгся во Францию. Ему удалось одержать блестящую победу при Сент-Квентине, а затем взять штурмом и город, который самоотверженно защищали французы под командованием адмирала Гаспара де Колиньи. Эту двойную победу шумно отпраздновали в Англии – пели псалом «Te Deum», звонили в колокола, жгли фейерверки, но национальным героем Филипп так и не стал. К тому же за этой победой англичане потерпели сокрушительное поражение – 31 декабря 1557 года французская ар-

мия под командованием Франциска, герцога де Гиза, вторглась в провинцию Кале, захватила замок, и 7 января город Кале сдался. Все английские владения во Франции, которые в течение двухсот лет служили англичанам плацдармом на французской земле и были предметом национальной гордости, оплотом торговли, военным элементом английской стратегии и во время мира, и во время войны, за одну неделю оказались потерянными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.